

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

DOI: 10.14258/tpai(2021)33(1).-01

УДК 902«6377»(571.1)

АНДРОНОИДНЫЕ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ: НОВЫЙ ВИТОК ДИСКУССИЙ?

С. С. Тихонов

*Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Омск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6909-0727>, e-mail: semchi957@gmail.com*

Резюме: Статья посвящена проблемам изучения культур поздней бронзы Верхнего Приобья на примере танайской археологической культуры. Ее выделил И. В. Ковтун в 2016 г. по особенностям керамики небольшого числа памятников, расположенных близ Салаира, на Томи и на Оби. Автор считает, что на основании приведенных ученым материалов пока можно говорить лишь о типе керамики или специфике орнаментации посуды археологического микрорайона. Но это не значит, что не нужно вести речь о культурно-хронологической шкале позднебронзового времени в рассматриваемом регионе. Наоборот, деятельность И. В. Ковтуна стимулирует появление нового витка в изучении андроновидных и связанных с ними археологических культур, более детальное изучение накопленных учеными материалов. Внимание к этой теме потенциально простимулирует и разработку общих методологических и методических проблем археологических исследований. К ним относятся вопросы выделения археологических культур, определение специфики керамики и признаков ее типов, датировки андроновидных и связанных с ними комплексов, вопросы взаимоотношения древних людей или выявления контактов в однородной среде.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, танайская, корчажкинская, еловская археологические культуры

Для цитирования: Тихонов С. С. Андроновидные культуры Верхнего Приобья: новый виток дискуссий? // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, № 1. С. 7–18. DOI: 10.14258/tpai(2021)33(1).-01

ANDRONOID CULTURES OF THE UPPER OB REGION: A NEW ROUND OF DISCUSSION?

Sergey S. Tikhonov

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Omsk, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6909-0727>, e-mail: semchi957@gmail.com*

Abstract: The article is devoted to the consideration of the problems of studying the cultures of the Late Bronze Age of the Upper Ob region using the example of the Tanai archaeological culture. It was singled out by I. V. Kovtun in 2016 on the peculiarities of ceramics of a small number of sites located

near Salair, on Tom and on the Ob. The author believes that on the basis of the materials presented by the scientist, it is still possible to speak only about the type of ceramics or the specifics of the ornamentation of dishes in the archaeological microdistrict. However, this does not mean that there is no need to talk about the cultural-chronological scale of the Late Bronze Age in the region under consideration. On the contrary, the activities of I. V. Kovtun stimulates the emergence of a new round in the study of andronoid and related archaeological cultures, to a more detailed study of the materials accumulated by scientists. Attention to this topic will potentially stimulate the development of general methodological and methodological problems in archaeological research. These include the issues of identifying an archaeological cult, determining the specifics of ceramics and signs of its types, dating of andronoid and related cultures, issues of the relationship of ancient people or identifying contacts in a homogeneous cultural environment.

Keywords: Upper Ob region, tanaiskaia, korchazhkinskaia, elovkskaia archaeological cultures

For citation: Tikhonov S. S. Andronoid Cultures of the Upper Ob Region: A New Round of Discussion? *The Theory and Practice of Archaeological Research*. 2021;33(1):7–18. (In Russ.) DOI: 10.14258/tpai(2021)33(1).-01

Введение

Андронидные позднебронзовые культуры Верхнего Приобья в середине 1950–1980 гг. были постоянным предметом исследований ученых многих научных центров СССР (Барнаул, Кемерово, Москва, Новосибирск, Омск, Томск и др.). Шли активные раскопки памятников того времени, велись острые дискуссии по проблемам их происхождения и развития, датировке и классификации, территории распространения, культурной принадлежности памятников и т. д. Как правило, итогом работ археологов были диссертации (докторская или кандидатская), публикации итоговых монографий и серий статей, отражавших эволюцию взглядов на позднебронзовые культуры Верхнего Приобья.

Первым обобщил андронидные материалы М. П. Грязнов. По данным своих работ 1925, 1927, 1946–1949, 1952–1954 гг. он выделил несколько вариантов карасукской культуры, один из которых находился в Верхнем Приобье. Затем Н. Л. Членова, проанализировав керамику свыше 10 памятников, в том числе поселения Ирмень-1, которое несколько лет раскапывал М. П. Грязнов, в 1955 г. описала новую ирменскую культуру. В 1961 г. В. И. Матющенко после раскопок у пос. Самусь и д. Еловка посчитал возможным говорить о томской археологической культуре. Через три года эту культуру М. Ф. Косарев разделил на самусьскую и еловскую/еловско-десятовскую, особо подчеркивая гребенчато-ямочный (гаежный) компонент культуры. Его поддержали В. А. Посредников и Ю. Ф. Кирюшин. Сам же В. И. Матющенко в 1974 г. описал еловско-ирменскую культуру в Верхнем Приобье. Ю. Ф. Кирюшин и его ученик А. Б. Шамшин в 1987 г. подобные памятники в южной части Верхнего Приобья отнесли к корчажкинской культуре. С ними согласился В. В. Бобров, присоединив к этой культуре памятники Приса-лаирья. А. В. Матвеев, Е. А. Сидоров, В. А. Зах, изучая памятники по Оби и Ине, выявили специфику раскопанных ими комплексов, отнеся их к ордынским, быстровским и т. д.

В итоге сложилась такая схема развития: между относительно однородными андроновской и ирменской культурами Верхнего Приобья лежат андронидные образования, особенности которых определены спецификой доандроновского субстрата и сте-

пенью воздействия на них андроновского населения. Со временем все они трансформируются в культуру ирменскую, что и было отмечено в работах по истории изучения поздней бронзы Верхнего Приобья [Ковалевский, 2018; Плац, 2019; Попова, 2019; Тихонов, 2006; 2007]. Но начиная с 1990-х гг. большее внимание специалистов стали привлекать другие культуры и проблемы, и как следствие, интерес к изучению позднего бронзового века Верхнего Приобья стал уменьшаться.

Проблема

В 2016 г. И. В. Ковтун на основании материалов, полученных В. В. Бобровым и его коллегами в ходе многолетних работ на оз. Танай, выделил новую андронидную археологическую культуру, названную им танайской [Ковтун, 2016, с. 68–71]. Основанием для этого стала специфика орнаментации некоторых керамических сосудов на памятниках у оз. Танай (Промышленновский район Кемеровской области и Тогучинский район Новосибирской области), аналогии которым ученый нашел на Оби (комплексы Ордынское и Крохалевка), на Ине, а также в Присалаирье, на Томи выше и ниже Кемерова.

На мой взгляд, выделение новой культуры — серьезный шаг в изменении культурно-хронологической схемы развития населения позднего бронзового века — прошло практически незамеченным. Об этом коротко написал лишь С. А. Ковалевский [2019, с. 107]. Даже рецензент монографии И. В. Ковтуна не обратил внимания на такую серьезную заявку [Кузин-Лосев, 2020, с. 187–203]. Объяснение этому я вижу в следующем: сверхкраткое описание новой культуры затерялось в многостраничном, весьма специфическом исследовании об андроновской керамике, и на него ученые (а поздней бронзой Верхнего Приобья занимаются единицы) могли просто не обратить внимания. Возможно, для привлечения внимания к новой концепции И. В. Ковтун подготовил небольшие тезисы для выступления на Западносибирской археолого-этнографической конференции в Томске [Ковтун, 2020]¹. Итак, позиция по внесению корректив в схему развития бронзовых культур высказана и требует какой-то реакции научного сообщества.

Обсуждение

Базой для выделения новой археологической культуры стали материалы могильников Танай-I, Танай-XII, поселений Танай-IVa, Танай-IV, Калтышино-V и местонахождения Исток. Не берусь судить о местоположении Истока, но остальные находящиеся практически рядом памятники на оз. Танай являются археологическим микрорайоном [Бобров, 2000] с двумя хронологическими периодами: корчажжинским (ныне танайским?) и ирменским. Иными словами, речь идет о распределенном месте проживания

¹ Уже после подготовки данной работы и отправки ее в редакцию журнала была опубликована статья: Ковтун И. В. Танайская культура и переходное время от развитой к поздней бронзе в Северо-Западной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 4 (32). С. 20–42. DOI: [https://doi.org/10.14258/tpai\(2020\)4\(32\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2020)4(32).-02). Эта солидная работа требует серьезного осмысления, и я выскажусь о ней после тщательного изучения труда И. В. Ковтуна. Благодарю коллег из Барнаула, приславших мне текст статьи сразу после ее публикации.

ния одного (?) древнего коллектива¹ на территории Присалаирья на оз. Танай, где экспедиции Кемеровского государственного университета долгое время вели широкомащтабные археологические раскопки.

Два других значимых пункта с танайскими материалами находятся на Оби. Это Ордынское (памятники Ордынское-11 и Ордынское-12) — одноименный район Новосибирской области, чуть более чем в 200 км от оз. Танай, и Крохалевка (Крохалевка-7а, Крохалевка-7б, Крохалевка-36, Крохалевка-37) — Коченевский район Новосибирской области, примерно в 160 км от Таная. И Ордынское, и Крохалевку можно считать микрорайонами. Остальные памятники — Саратовка-6 (Гурьевский район Кемеровской области), Ивановка-I (Яшкинский район Кемеровской области), Курья-IV (Крапивинский район Кемеровской области), Заречное (Тогучинский район Новосибирской области), Бурмистрово (Искитимский район Новосибирской области) — только создают впечатление о многочисленности памятников танайской культуры. Но, судя по текстам публикаций И. В. Ковтуна, находки этой культуры там единичны. И, возможно, приближаются к статистической погрешности. Схема распространения находок культуры (за исключением Осинкинского могильника² и Курьи-IV) представлена на рис. 1.

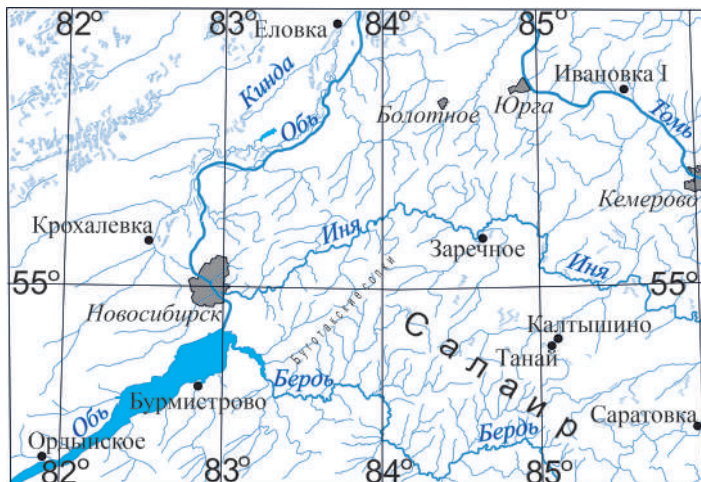

Рис. 1. Схема распространения памятников танайской культуры
Fig. 1. Scheme of distribution of the Tanai culture sites

Итак, мы видим, что на большой территории имеется три пункта и несколько точек с единичными находками танайской культуры, что противоречит моему пред-

¹ В данном случае не буду вдаваться в дискуссию о закономерностях системы расселения древнего населения Сибири и распространения археологических микрорайонов. Но, изучая их, я пришел к выводу, что это во многом схоже с ситуацией позднесредневековой, описанной многими путешественниками XVII и XVIII вв., т. е. когда практически всегда одна группа населения владела угодьями вокруг своего поселка, а другие группы жили от них на расстоянии чаще всего дневного пешего или полудневного конного перехода.

² Возможно, речь идет о памятнике на Северном Алтае? См.: Савинов Д. Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 94–100.

ставлению об археологической культуре, памятники которой занимают определенную территорию и отличаются по материалам от сопредельных комплексов. Мне могут возразить, что ирменская культура была выделена по данным чуть более 10 памятников, расположенных на территории Западной Сибири от Оби до Иртыша. Это так. Но ведь прежде М. П. Грязнов на широкой площади копал эпонимный памятник Ирмень-1 с практически однородным культурным слоем (отметим, что в слое были материалы андроновского времени, раннего железного века и Средневековья), с ярким материалом, не только керамическим, который и стал основным для выделения культуры Н. Л. Членовой. В случае с танайской культурой речь пока идет о специфических керамических комплексах в нескольких пунктах, которые принято относить к еловской или корчажжинской культурам.

По мнению И. В. Ковтуна, специфика танайской посуды заключается в наличии или отсутствии некоторых орнаментальных мотивов, присутствии карасукоидного субстрата и наличии некоторых одонтологических признаков. Ниже приведена пространная цитата из его работы, где жирным шрифтом выделены эти признаки.

«... обратимся к уточнению культурной принадлежности андронидных памятников северо-запада Кузнецкой котловины. Андронидные комплексы Таная I, Таная XII и Таная-4 на первый взгляд напоминают своего рода южный вариант древностей еловского типа.

*Позднее исследователями отмечалась сложность культурной атрибуции андронидных погребений Таная XII и указывалось, что черты его погребального обряда и инвентарь имеют аналогии в памятниках как еловской, так и корчажжинской культур, а некоторые детали [Ковтун, 2016, с. 68], орнаментация посуды андронидных танайских и еловских памятников, безусловно, обнаруживает схожие черты (главным образом с ЕК-I), но и заметно отличается по ряду существенных признаков (особенно от еловского комплекса ЕК-II). Например, **на танайских сосудах отсутствуют** фигурирующие на еловской посуде собственно **меандровые композиции...***

Сходство орнаментальных композиций на андронидной танайской и корчажжинской керамике, на мой взгляд, неочевидно...

*При этом сами авторы изысканий отмечают существенные отличия корчажжинского и танайского поселенческого орнамента: **«поселение Танай от корчажжинских отличается почти полным отсутствием мотива зигзаг, использованием в качестве разделителя ямок с насечками, широким применением жемчужника для декора венчика»** [Бобров, Касастикова, 1989, с. 18].*

Симптоматично, что в корчажжинской орнаментации отсутствуют, а в еловской либо присутствуют, либо исключительно редки нанесенные на сосуды из Таная I, Таная XII, Таная-4 и Калтышино 5 и отражающие карасукоидное влияние треугольные «пирамидки» [Ковтун, 2016, с. 69] иногда обрамленные фестонами из треугольников, а также строго вертикальные «решетчатые-лестничные» мотивы...

*Как и в ирменских комплексах этого района, в андронидных материалах Таная I и Таная XII, на мой взгляд, **усматривается присутствие карасукоидного субстрата**, но не позднего лугавского, а раннего, т. н. «классической» карасуковской культуры*

*Для идентификации танайского андронидного комплекса необходима верификация природы северного («позднеандроновско-еловского» или «еловского») субстрата. По одонтологическим признакам андроновские мужчины из Таная XII обнаруживают сходство не с другими андроновскими группами, а с андронидными сериями, **максимально сближаясь с андроновцами и еловцами Томского Приобья** [Зубова, 2014, с. 95; Ковтун, 2016, с. 70]».*

Отдадим должное работоспособности и внимательности И. В. Ковтуна в поиске культурообразующих черт танайской керамики. Однако является ли достаточным наличие или отсутствие орнаментального мотива для отнесения посуды к какой-либо археологической культуре? Ведь форма, технология изготовления, состав теста, орнаментальная композиция в целом, техника нанесения орнамента могут быть более показа-

тельны, чем отдельные мотивы. Поэтому считаю, что пока целесообразнее речь вести не о новой культуре, а хотя бы о типе посуды, специфике орнамента. Со временем, набрав больше данных, можно будет говорить о полноценной культуре, для которой значимы не только посуда, но и другие черты: орудия труда, оружие, особенности домостроения, погребального обряда и т. д. Что касается одонтологии, то это интересные факты, однако я не уверен, что особенности зубов древнего населения входят в число культуурообразующих признаков.

В целом я пока придерживаюсь мнения, что о новой археологической культуре говорить рано. Однако исследования И. В. Ковтуна являются побудительными для разработки проблем изучения не только андронидных культур, но и методолого-методических вопросов археологии, к которым можно отнести:

1. Вопросы выделения археологических культур. Обобщенная схема развития верхнеобских культур бронзового времени незамысловата: доандроновская бронза, андроновская культура, андронидные образования, ирмень. Так сложилось, что андроновская и ирменская культуры воспринимаются археологами как монолитные, в лучшем случае с наличием региональных особенностей. Материалы доандроновского времени (афанасьевские, елунинские, каракольские, самусьские, крохалевские) классифицированы неплохо. Что касается андронидных культур, то до 2016 г. их было две: еловская и корчажкинская¹. А вот раннежелезных культур только на Алтае не меньше десятка [Горбунов и др., 2019, с. 174–308]. То есть, если рассуждать абстрактно, имеется вероятность того, что андронидных культур может быть больше двух-трех. Поэтому исследования того периода нужны и полезны.

Все определяется вопросом: что такое археологическая культура? Активно эту проблему отечественные ученые обсуждали в 1950–1970-х гг., а последующие поколения археологов зачастую опирались на эти разработки. В Западной Сибири сложилось так, что важным, если не важнейшим, критерием для выделения новых археологических культур стала керамика. Но если в последней четверти прошлого века ученые рассматривали керамический комплекс в целом, то И. В. Ковтун предлагает в качестве культуурообразующего признака использовать отдельные орнаментальные мотивы. Возможно, он прав, и археологическую культуру можно выделять не по совокупности материалов, а по отдельным признакам. Но, считаю, правила выделения новых археологических культур должны быть общими для всех археологов.

2. Определение специфики керамики. Танайская культура выделена по орнаментальным мотивам на керамике. Предположу, что какую-то часть посуды И. В. Ковтун изучил по публикациям, поскольку у него нет ссылок на изученные коллекции, а материалы хранятся во многих музеях, посетить которые археологам не всегда возможно. И здесь возникает вопрос: насколько можно доверять точности рисунков в публикациях? Ведь сосуд можно изобразить по-разному, и детали рисунков будут иметь значительные различия. На рис. 2 я привел некоторые сосуды из публикаций В. И. Матющенко [2004] и И. В. Ковтуна [2016]. На них попарно изображены одни и те же горшки из одних и тех же могил, приведенные мной к одинаковой высоте, так как масштабов в рисунках

¹ Таежных гребенчато-ямочных культур Среднего Приобья касаться не буду.

монографии И. В. Ковтуна нет. Но выглядят они неодинаково, отличаясь профилировкой, особенностью пропорций мотивов, наклоном элементов орнамента, размерами изображаемого оттиска гребенчатого штампа, а некоторые вообще друг на друга не подходят. Но напомним, ведь именно детали орнаментации стали базой для выделения культуры, — а если сосуды были изначально нарисованы неверно? Тогда верны ли выводы? Исхожу из того, что любая археологическая вещь должна быть во всех публикациях изображена одинаково, и сделать это можно, публикуя качественные фотографии или переводя на электронные носители музейные материалы, что постепенно происходит.

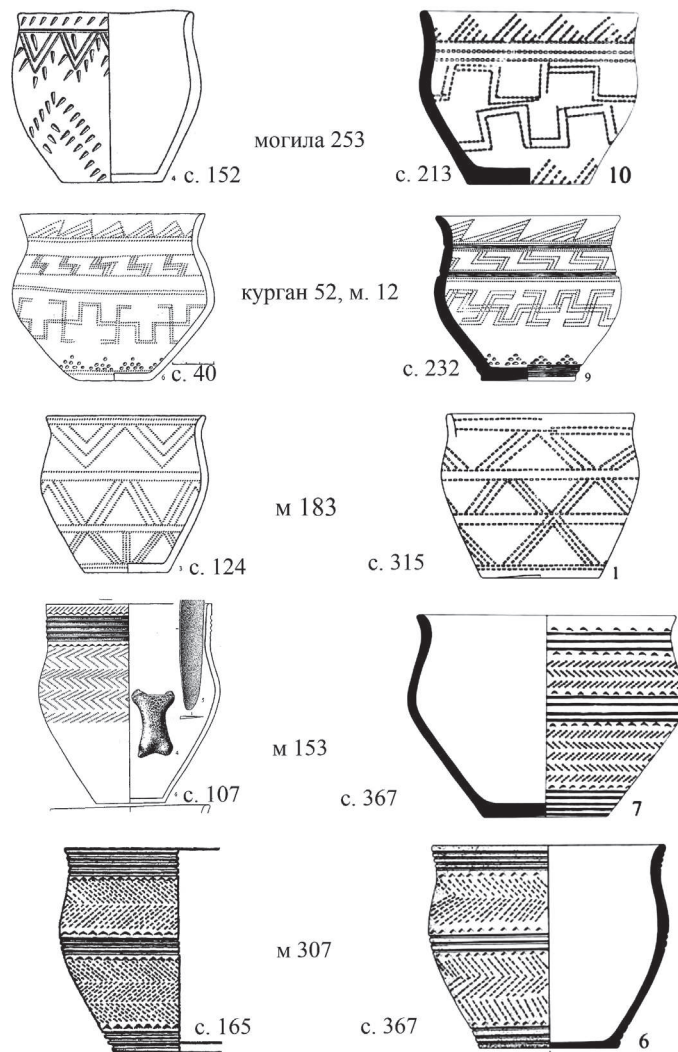

Рис. 2. Сравнение керамики Еловского II могильника в публикациях В. И. Матющенко [2004] и И. В. Ковтуна [2016]

Fig. 2. Comparison of ceramics of the Elovsky II burial ground in publications of V. I. Matyushchenko [2004] and I. V. Kovtun [2016]

3. **Датировка андронидных культур.** И. В. Ковтун приводит пять дат трех памятников танайской культуры, для удобства восприятия сведенных мной в таблицу, и делает следующий вывод: «Таким образом, суммарно, без крайних значений и без учета резервуарного эффекта нижний рубеж танайской культуры ограничен XVI в. до н.э., а возможно, и концом XVII (?) в. до н.э. Сосуществование с ирменским социумом (Танай-IV, Калтышино-V, Исток, Саратовка-6 и др.) и радиоуглеродные даты поселения Калтышино-V удостоверяют верхнюю границу танайского комплекса в пределах XIV–XIII вв. до н.э.» [Ковтун, 2020].

Радиоуглеродные даты материалов танайской культуры

Памятник	Дата BP/ до н.э.	Калиброванные даты, гг. до н.э.		Современная калибровка, гг. до н.э.	
		1δ	2δ		
Танай-I	3120±80/ 1170±80	1500–1260	1600–1120	1546–1191–92,2%	1457–1281–63,7%
Танай-XII	3271±78/ 1321±78			1745–1403–95%	1631–1490–58,0%
Танай-XII	3167±77/ 1217±77			1620–1259–94,8%	1527–1381–57,9%
Калтышино-V	3055±35/ 1411–1223			1411–1223–95,4%	1389–1338–33,1%
Калтышино-V	3079±35/ 1129±35			1426–1260–94,7%	1404–1369–23,1%

Получение новых дат памятников можно только приветствовать. Но здесь обращу внимание на то, что при удревнении или омоложении комплексов необходимо решать вопрос о пересмотре дат глобально. Это ведет, в случае необходимости, к комплексной ревизии хронологии позднебронзовых культур и требует значительных усилий. Пока без ответа остается вопрос: при пересмотре датировок памятника следует ли изменять дату прежде синхронных ему комплексов?

4. **Взаимоотношения древних людей.** Этот аспект связан с социальной интерпретацией археологических данных, и его изучение предполагает использование данных смежных наук, что вытекает из теоремы Гёделя о неполноте [Тихонов, 2010, с. 37–43]. Но, признавая необходимость использования этнографических, антропологических, географических и прочих данных, мы можем невольно отдавать приоритет достоверности именно привлекаемым материалам. Например, И. В. Ковтун, основываясь на мнении антрополога А. В. Зубовой, считает, что

«... по одонтологическим признакам андроновские мужчины из Таная-XII обнаруживают сходство не с другими андроновскими группами, а с андронидными сериями, максимально сближаясь с андроновцами и еловцами Томского Приобья [Зубова, 2014, с. 95]. Возможно, это свидетельствует о перемещениях андроновцев из этого района в окрестности оз. Танай и обратно либо наоборот. [Ковтун, 2016, с. 70].

Позднее, как предполагает А. В. Зубова, «группа андронидного населения, родственного оставившему могильники Еловского археологического комплекса, мигрирует на территорию Кузнецкой котловины. Здесь это население вступает в брачные связи с местными андроновскими женщинами», что изменяет культурный облик населения данного района [Зубова, 2014, с. 95–96].

Сама же А. В. Зубова в работе говорит о том, что демографическая структура Еловки плоха, и мужчины вынуждены были переселяться к своим новым брачным партнерам на Салаир: «... андроновское население Томского Приобья находилось в крайне неблагоприятной демографической ситуации. Пре-

жде всего, в его структуре наблюдается значительное (почти в 1,5 раза) преобладание мужского населения над женским, причем пики смертности в мужской группе соответствуют эпохальным тенденциям, но наступают на 5 лет раньше, чем в других сравниваемых могильниках. Очень высока смертность женщин. **Подтверждением того, что численность населения данной популяции заметно снижалась, являются показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении, которая ниже, чем средний возраст смерти в популяции** [Зубова, 2006, с. 338].

На закате андроновской эпохи **группа андронидного населения, родственного оставившему могильники Еловского археологического комплекса, мигрирует на территорию Кузнецкой котловины. Здесь это население вступает в брачные связи с местными андроновскими женщинами** [Зубова, 2014, с. 96].

Зафиксировать миграцию населения в однокультурной среде очень трудно, но в данном случае помогли антропологические исследования. Факт миграции, естественно, неоспорим, но и объяснения этому могут быть другие, а не только плохая демографическая ситуация. Но сначала о географическом положении Еловки. Поселение и два могильника находятся в Кожевниковском районе Томской области в 40 км от границы с областью Новосибирской, в 100 с небольшим километрах от Новосибирска на левом берегу обской протоки Симан. По природно-географическим особенностям эту территорию обычно относили к территории Верхнего Приобья, но никак не Томского.

Материалы для анализа А. В. Зубова взяла из книги В. И. Матющенко 2004 г. И предположила, что в андроновской части Еловского II могильника была плохая демографическая ситуация, а население должно было уменьшаться. Это легко опровергается тем, что в еловское время (последующее за андроновским) нет никаких признаков вымирания. Число еловских могил превышает количество андроновских, а рост некоторых погребенных был выше среднего, т. е. люди становились выше, что обычно связывается с улучшением условий жизни¹. А. В. Зубова, говоря о половозрастной структуре, приводит цифры о явном неправильном соотношении мужчин и женщин. Но В. А. Дремов, который определял всю антропологию Еловского комплекса, и я, работавший со справками, подготовленными им для В. И. Матющенко, получили другие показатели [Дремов, 1979; Тихонов, 2005, с. 73–75], что позволяет оспорить мнение о демографическом кризисе.

Мнение А. В. Зубовой и поддержавшего ее И. В. Ковтуна о наличии брачных партнеров жителей древней Еловки на Салаире возможно пока в качестве предположения. Факт пребывания их на Танае бесспорен, но целью могут быть не только матримониальные планы. Во-первых, к Еловке намного ближе комплексы в устье р. Кинда, затем у Батурино в начале протоки Симан. Наконец, есть комплекс Черное Озеро к югу от Колывани и севернее Крохалевки (см. рис. 1), который раскапывал Е. А. Сидоров в 1983 г. Он любезно мне предоставил небольшое количество керамики для проведения анализов на пористость, прочность, водопоглощаемость. Оказалось, что черноозерская керамика по таким данным сходна с еловской. Поэтому у жителей, оставивших Еловский комплекс, могли быть и другие брачные партнеры. Во-вторых, было ли в обычае древних мужчин переходить на жительство в род жены? В мифах, преданиях и прочем фольклоре индоевропейцев обычно мужчина увозит к себе женщину: Парис увез Елену, Зевс похитил Европу, римляне отбили сабинянок у их отцов, мужей и братьев. Да и Богатыри Эмдера тоже не переехали жить в деревни женщин. Поэтому причина появле-

¹ Измерения костей верхних и нижних конечностей были проведены мной отчасти по самим костям, отчасти по полевым чертежам при подготовке кандидатской диссертации.

ния еловских мужчин на Танае может быть другой. А к данным смежных наук следует относиться так же критически, как и к археологическим материалам.

Заключение

В завершение разбора концепции И. В. Ковтуна повторюсь, что пока основания для выделения новой археологической культуры мне не представляются убедительными. Но подобные исследования необходимы, поскольку побуждают ученых рассматривать устоявшиеся положения с новых позиций, а также вести исследования в области методологии и методики археологии

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бобров В. В. Танайский микрорайон как культовое место эпохи поздней бронзы в Кузнецкой котловине // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. С. 199–203.

Бобров В. В., Касастикова Л. Ю. Культурная принадлежность поселения Танай-4 // Археологические исследования в Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1989. С. 17–18.

Горбунов В. В., Грушин С. П., Дашковский П. К., Кирюшин К. Ю., Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Матренин С. С., Папин Д. В., Серегин Н. Н., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А., Федорук А. С., Федорук О. А., Фролов Я. В., Шамшин А. Б., Шуньков М. В. История Алтая : в 3 т. Т. 1 : Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та ; Белгород : Константа, 2019. 392 с.

Дремов В. А. Палеодемография Еловского могильника II (андроновского) // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1979. С. 66–69.

Зубова А. В. Демографические характеристики андронидного населения Западной Сибири (по материалам могильников Еловский-2 и Старый сад) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. XII, ч. I. С. 336–340.

Зубова А. В. Палеоантропологическая серия из могильника Танай-12 и происхождение населения корчажкинской культуры Кузнецкой котловины // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 90–98.

Ковалевский С. А. Формирование концептуальных подходов в изучении ирменских древностей (середина 1950-х — 1960-е гг.) // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 1 (21). С. 7–16. DOI: 10.14258/tpai(2018)1(21).-01

Ковалевский С. А. Об особенностях северо-восточной группы ирменских памятников // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. Вып. XXV. С. 104–112.

Ковтун И. В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань : Казанская недвижимость, 2016. 547 с.

Ковтун И. В. Танайская культура // Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК. Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2020. Электронный ресурс: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42619288>

Кузин-Лосев В. И. Заметки на полях книги (И. В. Ковтун «Андроновский орнамент») // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 2 (30). С. 187–203. DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-15

Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск : Изд-во ОмГУ, 2004. 468 с.

Плац И. А. Историография андронидных культур Приобья // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. № 21 (2). С. 353–364. DOI: 10.21603/2078–8975–2019–21–2–353–364

Попова Б. С. Памятники ирменской культуры Нижнего Притомья. Историографический обзор // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 57. С. 163–169. DOI: 10.17223/19988613/57/27

Тихонов С. С. Верхнее Приобье в XII–IX до н. э. // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск : Изд-во Иркутского гос. техн. ун-та, 2005. С. 64–81.

Тихонов С. С. Начало изучения памятников эпохи поздней бронзы Верхнего Приобья // Исторический ежегодник — 2005. Омск : Изд-во Омск. ун-та, 2006. С. 92–96.

Тихонов С. С. История изучения памятников эпохи поздней бронзы Верхнего Приобья // Рыцарь сибирской археологии. Омск : Изд-во ОмГУ, 2007. С. 168–206.

Тихонов С. С. Теорема о неполноте как одно из методологических оснований археолого-этнографических исследований // Интеграция археологических и этнографических исследований. Казань: Изд-во Ин-та истории им. Марджани АН РТ, 2010. С. 37–43.

REFERENCES

Bobrov V. V. Tanajskij mikrorajon kak kul'tovoe mesto epohi pozdnej bronzy v Kuzneckoj kotlovine. [Tanay Microdistrict as a Cult Site of the Late Bronze Age in the Kuznetsk Basin]. Svyatilishcha: arheologiya rituala i voprosy semantiki [Sanctuaries: Archaeology of Ritual and Questions of Semantics]. SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2000. Pp. 199–203. (In Russ.)

Bobrov V. V., Kasastikova L. Yu. Kul'turnaya prinadlezhnost' poseleniya Tanaj-4 [Cultural Affiliation of the Tanaj-4 Settlement]. Arheologicheskie issledovaniya v Sibiri [Archaeological Research in Siberia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1989. Pp. 17–18. (In Russ.)

Gorbunov V. V., Grushin S. P., Dashkovskij P. K., Kiryushin K. Yu., Kiryushin Yu. F., Kungurov A. L., Matrenin S. S., Papin D. V., Seregin N. N., Stepanova N. F., Tishkin A. A., Fedoruk A. S., Fedoruk O. A., Frolov Ya. V., Shamshin A. B., Shun'kov M. V. Istoriya Altaya : v 3 t. T. 1 : Drevnejshaya epoha, drevnost' i srednevekov'e [History of Altai: in 3 vol. Vol. 1: The Ancient Era, Antiquity and the Middle Ages]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta; Belgorod: Konstanta, 2019. 392 p. (In Russ.)

Dremov V. A. Paleodemografiya Elovskogo mogil'nika II (andronovskogo) [Paleodemography of the Elovsky Burial Ground I (Andronovsky)]. Osobennosti estestvenno-geograficheskoy sredy i istoricheskie processy v Zapadnoj Sibiri [Features of the Natural Geographic Environment and Historical Processes in Western Siberia]. Tomsk : Izd-vo TGU, 1979. Pp. 66–69. (In Russ.)

Zubova A. V. Demograficheskie karakteristiki andronoidnogo naseleniya Zapadnoj Sibiri (po materialam mogil'nikov Elovskij-2 i Staryj sad) [Demographic Characteristics of the Andronoid Population of Western Siberia (Based on Materials from the Elovsky-2 and Old Garden Burial Grounds)]. Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2006. T. XII, ch. I. Pp. 336–340. (In Russ.)

Zubova A. V. Paleoantropologicheskaya seriya iz mogil'nika Tanaj-12 i proiskhozhdenie naseleniya korchazhkinskoj kul'tury Kuzneckoj kotloviny [Paleoanthropological Series from the Tanaj-12 Burial Ground and the Origin of the Population of the Korchazhkin Culture of the Kuznetsk Depression]. Vestnik arheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography.] 2014. № 3 (26). Pp. 90–98. (In Russ.)

Kovalevskij S. A. Formirovanie konceptual'nyh podhodov v izuchenii irmenskih drevnostej (seredina 1950-h — 1960-e gg.) [Formation of Conceptual Approaches in the Study of Irmenian Antiquities (Mid-1950s — 1960s)]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research] 2018. № 1 (21). Pp. 7–16. (In Russ.) DOI: 10.14258/tpai(2018)1(21).-01

Kovalevskij S. A. Ob osobennostyah severo-vostochnoj gruppy irmenskih pamyatnikov. [On the Features of the Northeastern Group of the Irmen Sites]. Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya

Altajskogo kraja [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2019. Issue XXV. Pp. 104–112. (*In Russ.*)

Kovtun I. V. Andronovskij ornament (morfologiya i mifologiya). [Andronovo Ornament (Morphology and Mythology)]. Kazan' : Kazanskaya nedvizhimost', 2016. 547 p. (*In Russ.*)

Kovtun I. V. Tanajskaya kul'tura [The Tanay Culture]. Zapadnaya Sibir' v transkul'turnom prostranstve Severnoj Evrazii: itogi i perspektivy 50 let issledovanij ZSAEK [Western Siberia in the Transcultural Space of Northern Eurasia: Results and Prospects for 50 Years of ZSAJK Research]. Tomsk : Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2020. (*In Russ.*) Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42619288&>

Kuzin-Losev V. I. Zametki na polyah knigi (I. V. Kovtun "Andronovskij ornament") [Notes on the Margins of the Book (I. V. Kovtun "Andronovo Ornament")]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2020. № 2 (30). Ph. 187–203. (*In Russ.*) DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-15

Matyushchenko V. I. Elovskij arheologicheskij kompleks. Chast' vtoraya: Elovskij II mogil'nik. Doirmenskie komplekсы [Elovsky Archaeological Complex. Part two: Elovsky and the Burial Ground. Pre-Irmenian Complexes]. Omsk : Izd-vo OmGU, 2004. 468 p. (*In Russ.*)

Plac I. A. Istoriografiya andronoidnyh kul'tur Priob'ya [Historiography of the Andronoid Cultures of the Ob Region]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]. 2019. № 21 (2). Pp. 353–364. (*In Russ.*) DOI: 10.21603/2078–8975–2019–21–2–353–364

Popova B. S. Pamyatniki irmenskoj kul'tury Nizhnego Pritom'ya. Istoriograficheskij obzor [The Sites of the Irmen Culture of the Lower Tomsk Region. Historiographic Review]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk State University. Story]. 2019. № 57. Pp. 163–169. (*In Russ.*) DOI: 10.17223/19988613/57/27

Tihonov S. S. Verhnee Priobe v XII–IX do n. e. [Upper Ob Region in the 12th — 9th Centuries BC]. Social'naya struktura rannih kochevnikov Evrazii [Social Structure of the Early Nomads of Eurasia]. Irkutsk : Izd-vo Irkutskogo gos. tekhn. un-ta, 2005. Pp. 64–81. (*In Russ.*)

Tihonov S. S. Nachalo izucheniya pamyatnikov epohi pozdnej bronzy Verhnego Priob'ya [The Beginning of the Study of the Sites of the Late Bronze Age of the Upper Ob Region]. Istoricheskij ezhegodnik — 2005 [Historical Yearbook — 2005]. Omsk : Izd-vo Omsk. un-ta, 2006. Pp. 92–96. (*In Russ.*)

Tihonov S. S. Istoriya izucheniya pamyatnikov epohi pozdnej bronzy Verhnego Priob'ya [History of the Study of the Sites of the Late Bronze Age of the Upper Ob Region]. Rycar' sibirskoj arheologii. [The Knight of Siberian Archaeology]. Omsk : Izd-vo OmGU, 2007. Pp. 168–206. (*In Russ.*)

Tihonov S. S. Teorema o nepolnote kak odno iz metodologicheskikh osnovanij arheologo-etnograficheskikh issledovanij [The Incompleteness Theorem as One of the Methodological Foundations of Archaeological and Ethnographic Research]. Integraciya arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij [Integration of Archaeological and Ethnographic Research]. Kazan' : Izd-vo In-ta istorii imeni Mardzhani AN RT, 2010. Pp. 37–43. (*In Russ.*)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тихонов Сергей Семенович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск, Российская Федерация.

Sergey Semenovich Tikhonov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Omsk, Russian Federation.

Материал представлен в редколлегию 06.12.2020.

Статья принята в номер 18.01.2021.